

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
<i>Глава первая. Жанровое и стилистическое своеобразие поэзии</i>	
Европейского Севера 1950-х годов	18
1. Поэзия фронтового поколения.....	18
1.1. Вспоминая войну	18
1.2. В океане мирного бытия.....	27
2. Стихи и поэмы детей войны.....	70
В. Ф. Морозов (1932–1959)	106
<i>Глава вторая. Характеры и конфликты в русской поэзии Европейского Севера</i>	
1960-х годов	142
1. Влияние общественной жизни 1960-х годов на поэзию фронтового	
поколения.....	142
1.1. Гражданский пафос произведений о революции	
и Великой Отечественной войне	142
1.2. Нравственный идеал в стихах и поэмах о современности	150
1.3. Эстетика поэтического образа в лирике	167
2. Творчество молодых и начинающих поэтов.....	226
2.1. Деревня как неиссякаемый родник народной жизни	
в поэзии В. Белова	226
2.2. Поэт и его лирический герой	235
Н. М. Рубцов (1936–1971)	377
<i>Глава третья. Художественные искания русской поэзии Европейского Севера</i>	
1970-х годов	460
1. Гражданская лирика	460
2. Философская и пейзажная лирика	549
Заключение	599
Литература	607
Именной указатель	616

ПРЕДИСЛОВИЕ

С октября 1917 года в литературной критике стало аксиомой, что «вся литература — армия на идеологическом фронте борьбы за коммунизм»¹, своего рода «приводной ремень» между обществом и правящей партией, дабы помочь ей сформировать «нового» человека и соответствующую политическую культуру.

Академик В. И. Вернадский писал в своем дневнике 18 августа 1928 года и 15 февраля 1929 года, что точка зрения «классового происхождения» производит трагикомическое впечатление: «Умалчивают абсолютно об идее Великой России, религиозной и патриотической»². Среди тех слов-символов, которые воссоздавали двухмерное пространство, термин «интернационализм» противопоставлялся национальной судьбе России. «Но именно потому, что ходом событий у власти поставлен пролетариат, — писал Лев Троцкий, — революция наша сразу и радикально преодолела национальную ограниченность и провинциальную захолустность прежней русской истории. Советская Россия стала не только убежищем Коммунистического Интернационализма, но и живым воплощением его программы и его методов»³. Именно с классовых позиций Лев Троцкий подошел к оценке творчества Н. Клюева. В статье, опубликованной в 1922 году вначале в «Правде», а затем перепечатанной 15 октября 1922 года в Петрозаводске газетой «Карельская коммуна», он сделал вывод, что поэт в своих поисках «скорее уходит от революции: слишком уж он насыщен прошлым».

В православном сознании, в русской верности вечным ценностям крестьянской России большевики видели угрозу созданию коммунистического общества. «Марксистская эсхатология злобно разрушала привычную жизнь и изо дня в день изменяла и перепластовывала древний образ России»⁴ — свидетельствовал философ и социолог Федор Степун, вынужденный в 1922 году покинуть страну.

¹ Овечкин В. Доклад на Всесоюзном совещании писателей, пишущих на колхозные темы. 26 октября 1955 года. // ЦГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 1622. Л. 58.

² Вернадский В. И. «Найдутся ли люди для этого?» Из дневников 1918–1945 гг. // Литературная Россия. 1993. 12 марта.

³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 236.

⁴ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся : фрагменты из книги // Общественная мысль за рубежом. Книжное обозрение. 1991. № 10. С. 23.

В этих условиях в литературе Советского Союза возник «новый творческий метод» — «социалистический реализм», который Андреем Иезуитовым в его книге «Социалистический реализм в теоретическом освещении» (Л., 1975) рассматривался как «модель реально существующих процессов и явлений в литературе». В социалистическом реализме, по мнению литературоведа, можно обнаружить важнейшие свойства модели — «мысленного аналога изучаемого объекта»⁵.

Представление об этих «важнейших свойствах модели» дает принятый Первым Всесоюзным съездом советских писателей Устав Союза советских писателей СССР, где «решающим условием роста литературы, ее художественного мастерства, ее идейно-политической насыщенности и практической действительности» называется «тесная и непосредственная связь литературного движения с актуальными вопросами политики партии и советской власти, включение писателей в активное социалистическое строительство», а от произведений верных социалистическому методу писателей требуется выполнение «задачи идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма»⁶.

В определении модели социалистического реализма ее создателями был использован так называемый «оптимизационный подход», аналогичный построению экономической модели социализма. Если до революции наука о литературе, как и экономическая история, основной своей задачей считала описание неповторяющихся процессов, то «оптимизационный подход» использует противоположный принцип. Его целью является не то, какова литература и экономика, а то, какой она должна быть. Этот принцип объясним с точки зрения практики, требующей совершенно конкретных и неотложных рекомендаций. Но в таком случае «модели не сравниваются с реальностью, а внедряются в нее»⁷, что приводит к искажению понятийных конструкций, абстрагированию. В основе «оптимизационного подхода» — в применении к литературе — лежит представление, что герой действует только на основе разума, причем разумность означает, что он постоянно преследует какие-то цели. Между тем иррациональность поведения является известной темой в философии, социологии, психологии.

В отличие от оптимизационного подхода модель литературного развития, представляемого Н. Клюевым, А. Ганиным, С. Писаховым, Б. Шергиным, А. Чапыгиным, переносила акцент моделирования с формального аппарата на выявление и воспроизведение существенных сторон жизни, в той форме, в какой они наблюдаются писателем. Так же как «сущности экономической

⁵ Иезуитов А. Н. Социалистический реализм в теоретическом освещении. Л., 1975. С. 11.

⁶ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934 : стенограф. отчет. М., 1990. С. 712.

⁷ Малков Л. П. О двух подходах к построению экономических моделей // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник. 1985. М., 1986. С. 50.

реальности» связаны с «инерционным ядром экономики»⁸, так и произведения названных выше писателей были связаны с совокупностью явлений и процессов, медленно изменяющихся и влияющих на все стороны жизни.

Если, по А. Иезуитову, «социалистический реализм был и остается искусством подлинно и последовательно революционным»⁹, то названные выше поэты и прозаики Европейского Севера заботились о сбережении обычаев и нравов, культурных традиций севернорусского крестьянства, воспедали русскую национальную основу морально-этических устоев северянина.

Об этом нами сказано еще три десятилетия назад в работе «Литературный регион с позиций системного анализа» (Петрозаводск, 1987), где русская литература Европейского Севера XX века была проанализирована как единое целое по функциональному, а не территориальному признаку. Было показано, что она как подсистема обладает свойством целостности, сложной внутренней структурой; высокой степенью взаимосвязанности элементов между собой и литературой России как системой в целом; способностью изменять свое состояние под влиянием тех или иных воздействий, переходить из одного состояния в другое, находиться в постоянном движении и развитии. Была отмечена такая взаимосвязь литературного региона с многонациональной литературой России, когда не только система влияет на подсистему, но наблюдается и обратное воздействие. Регион как часть системы несет в себе ее общие черты. Но наряду с этим он отмечен и чертами своего своеобразия. Было показано, что развитие русской литературы Европейского Севера имело непрерывный характер. Устные традиции севернорусского фольклора были тесно связаны с письменными традициями, с существованием «первичных» редакций житийных повестей с их близким к разговорному языком, достоверностью фактов, сюжетной повествовательностью. Дав жизнь книжному эпосу, устный народный эпос продолжал существовать наряду с ним, составляя его почву. Эпические традиции, в рамках которых формировалась русская литература Европейского Севера, явились важнейшим фактором сохранения ее национальной самобытности, всегда оставались связанными со стихией народного творчества. В процессе развития литературный регион как система менял свою структуру. И хотя составляющие части системы на начальном и конечном этапах развития стали иными, преемственность не утратилась.

Те качественные изменения социальной действительности, что были связаны с появлением на исторической авансцене рабочего класса, в меньшей степени затронули Европейский Север, остававшийся долгое время преимущественно крестьянским краем. Соответственно более инертным, статичным, чем подвижная и изменчивая литература Москвы и Санкт-Петербурга, выглядел и северный литературный регион, в своем историческом существовании показавший огромную способность к сохранению устойчивости.

⁸ Там же. С. 56.

⁹ Иезуитов А. Н. Социалистический реализм в теоретическом освещении. С. 171.

Несмотря на различные внешние возмущения, он сохранял свою целостность, что обеспечивало как выживание системы, так и преемственность ее развития. По мере изменения внешних условий эта система эволюционировала так, чтобы наилучшим образом к ним приспособиться. Возникли те формы самоорганизации, которые были наиболее стабильны.

Многообразное воздействие на русскую литературу Европейского Севера фольклорных традиций, языка древнерусских летописей и житийной литературы во многом объяснялось тем, что этот регион, сильно отставший от уровня экономического развития Центральной России, в советское время продолжал быть своеобразным заповедником не только былин, но и других замечательных произведений народной поэзии (сказок, песен, причитаний). Эпические традиции были тесно связаны со всей богатой художественной культурой Севера, выражавшейся в замечательном деревянном зодчестве, в резьбе по кости и дереву, в медном литье, в нарядах, кружевах, вышивках.

В послереволюционной русской литературе Европейского Севера возникла альтернативная социалистическому реализму модель развития советской литературы, опиравшаяся на объективные экономические и духовные предпосылки. Она была обусловлена историческими особенностями развития региона.

Неисчерпаемые возможности обогащения литературы народно-поэтическими метафорами, искрометными красками русского фольклора и мифологии открыл в своих стихах Николай Клюев (1884–1937). Лирический герой поэта — великолепный знаток древнерусской культуры и народной словесности, самобытного крестьянского уклада, разрушенного революцией.

В протоколе допроса во внутреннем изоляторе ОГПУ на Лубянке 15 февраля 1934 года запечатлены слова Клюева об Октябрьской революции и о проводимой коммунистической партией коллективизации как о «бесовском наваждении»: «Осуществляемое при диктатуре пролетариата строительство социализма в СССР окончательно разрушило мечту о Древней Руси. Отсюда мое враждебное отношение к политике компартии и Советской власти, направленной к социалистическому переустройству страны. Практические мероприятия, осуществляющие эту политику, я рассматриваю как насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью»¹⁰.

Десятью годами ранее был арестован автор книги стихов «Былинное поле» (М., 1924) вологодский поэт Алексей Ганин (1893–1925). Его книга вводила читателя в особый условно-исторический мир, который строился по законам устной исторической памяти и народного художественного мышления. Ганин обращался к фольклорным традициям с надеждой, что ему удастся всколыхнуть память народа о своем прошлом, напомнить о непрерывности богатырских поколений на Руси и предостеречь об опасности, угрожающей «былинному полю» нации. Мысли, обуревавшие поэта в пору работы над последней книгой, выражены в написанных в 1924 году рукой

¹⁰ Шенталинский В. Гамаюн — птица вещая // Огонек. 1989. № 43. С. 9–10.

Ганина тезисах «Мир и свободный труд — народам»: «Россия, это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа, вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии. Ясный дух народа предательски умерщвлен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял еще голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведет счет великим бедствиям и страданиям народа в целом... Всех и каждого убеждает в том, что если не предпринять какие-то меры, то России как государству грозит окончательная смерть, а русскому народу — неслыханная нищета, экономическое рабство и вырождение»¹¹.

Ордер на арест Ганина был подписан 1 ноября 1924 года. Поэт был расстрелян 30 марта 1925 года. В том же году погиб С. Есенин. Позднее в Сибири расстреляли Н. Клюева.

Но вопреки коммунистической доктрине Борис Шергин (1893–1973) и Степан Писахов (1879–1960), будучи истинно православными, предложили обществу опираться на исторические и традиционные элементы русской культуры. В «бывальщинах» Б. Шергина, в двух томах сказок С. Писахова с изумительной полнотой звучала народная речь, сверкала мажорной игрой выдумкой удивительная авторская фантазия.

Перед Б. Шергиным как наяву вставали красоты старины северной в зодчестве, в женских нарядах, в народных нравах, и он вспоминал стихи Н. Клюева: «И страна моя Белая Индия преисполнена тайн и чудес»¹². В своих дневниках, статьях, прозе Б. Шергин пытался выработать «русскую идею», которая включала бы приверженность патриотизму и государственности; православие — как основу мировоззрения; чувство социальной справедливости; приоритеты духовности над материальными ценностями; соборность, коллективизм.

В сказках Степана Писахова органично соединились присущие «русской идее» принципы сочувствия и доброты, братства и справедливости. Родниками вдохновения С. Писахова, по мнению Ф. Абрамова, были «и фольклор, и вечно живые образы отечественной и мировой литературы, и поморский уклад жизни, рождавший людей богатырской удали и яркого, меткого слова»¹³.

Истинная художественная сила еще одного северянина — Алексея Чапыгина (1870–1937) — проявилась более всего в реалистических картинах народного быта, скульптурной лепке и речевом богатстве «гуляющих людей». Данный А. Чапыгину от природы талант неизбежно подталкивал его к выходу за пределы цензурных ограничений, и спасением для писателя было открытое им лингвистическое поле самобытного языка XVII века. Для

¹¹ Ганин А. Мир и свободный труд — народам : тезисы / публикация С. Ю. Куняева // Наш современник. 1992. № 1. С. 168.

¹² Шергин Б. Изящные мастера. Поморские былины и сказания. М., 1990. С. 348.

¹³ Абрамов Ф. Собрание сочинений. В 6 т. СПб., 1993. Т. 5. С. 357.

А. Чапыгина язык становился уже не просто системой знаков, но также формой самой жизни. Персонажи его романов, говорящие на «ядrenom» русском языке, обретали свой способ существования, свое понятие жизни.

Из стихов и поэм Н. Клюева и А. Ганина, сказок С. Писахова, «бывальщин» Б. Шергина, исторических романов А. Чапыгина читатель получал образное представление о богатствах древних художественных традиций Русского Севера, о природе Севера, о характере северян, унаследовавших свое ремесло и обычаи от предков.

Двое из названных пяти писателей были расстреляны. В самом этом факте проявилось отношение к их творчеству как очевидной оппозиции советской власти, альтернативе официальной литературе социалистического реализма.

Но и трагические условия «культы личности» не могли помешать появлению нового, молодого поколения писателей-северян, которые по примеру Б. Шергина и С. Писахова старались запечатлеть национальные особенности характеров, традиций, сложившихся в определенных исторических, культурных, географических условиях Русского Севера. В сборнике стихов «Северянка» (1938) А. Яшин щедро использовал неисчерпаемый клад народной мудрости — прибауток, пословиц, метких сравнений. О способности проникать в мир народной души, в богатство фольклорной эстетики свидетельствуют опубликованные в довоенные годы поэмы «Кружева» Л. Мартынова, «Клад» и «Мать» А. Яшина. «Всякая поэзия только тогда истинна, когда она народна...»¹⁴ — писал В. Г. Белинский. Как было показано в наших предыдущих работах, в 1920–1930-е годы общественно и эстетически значимые результаты были достигнуты теми художниками, кто стоял близко к народу, к его духовной жизни, кто силой таланта сумел раскрыть типические черты народного характера.

Великая Отечественная война стала не только источником тем и сюжетов ряда значительных произведений, созданных в последующие десятилетия, но в ее горниле сформировалось писательское поколение, которое имело опыт активного участия в историческом процессе и вынесло убеждение, что личность не безвольный винтик социального механизма, а важнейшее его звено. Фронтовикам было свойственно коллективистское и в то же время «человеческое» мироощущение, огромная жизненная энергия. Вместе с фронтовым писательским поколением в литературу входил и новый герой — победитель, творец и труженик.

Даже по необходимости конспективный обзор развития литературного процесса в первые 30 лет существования советской власти объясняет причины борьбы по различным параметрам и в различных формах, развернувшейся в русской литературе 1950-х годов после смерти Сталина. История литературы немыслима без рассмотрения любого литературного факта, события, концепции в диалектической связи прошлого, настоящего и будущего.

¹⁴ Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1948. Т. 2. С. 119.

Соответственно явления поэзии периода «оттепели» нельзя понять без анализа пройденного литературой пути. И если вот так, диалектически, подойти к литературному процессу 1950-х годов, проанализировать опубликованные в те годы произведения, то становится очевидным, что это было время не только отжившего, старого, исчерпавшего себя еще в довоенные годы, но и утверждения нового. Действительно, на развитии искусства в те годы самым непосредственным образом сказывалось «воздействие субъективистских тенденций», «отсутствие самостоятельного идейно-художественного решения темы», «осторожное скольжение по поверхности фактов»¹⁵. Но набирала силу и тенденция рассмотрения жизненных явлений во всей их сложности и противоречивости. В 1950-е годы новой системе литературы нужно было утвердиться, обрести устойчивость. «Переход возможности в действительность произошел, однако в этой действительности еще много, с одной стороны, возможно нового, а с другой — отжившего старого, исчерпавшего себя. Иначе говоря, старая базовая система, ее элементы, а также части структуры еще существуют и могут существовать длительно, оказывая воздействие на возникшую новую систему, которая еще только набирает силу. Это сложный и ответственный момент в жизни систем. В науке и практике он получил название переходного периода»¹⁶. В духе системного познания мира литературовед Ю. Кузьменко выделил 1950-е годы как «переходные» между двумя историческими эпохами и соответственно этапами литературного развития. Именно в это время, писал исследователь, началась «художественная разведка сфер частной жизни», обнаружилась «подчеркнутая жажда достоверности» и «захватывающая обширные области литературы стихия лиризма»¹⁷. О новом этапе развития советской литературы после 1945 года писал Ю. А. Андреев. Он называл в качестве характерных черт «возрастание богатства и сложности эстетического идеала, из которого исходят художники, рисуя и оценивая действительность и человека в ней»¹⁸.

Борясь с описательным, поверхностным изображением фактов и переживаний, русская литература Европейского Севера шла к показу не только социальных, но и психологических, духовных, нравственных истоков человеческого поведения. Углублялся современный взгляд на историю, повышалось писательское мастерство, все более внимательно анализировались общественные закономерности жизни народа. Выглядит неперспективной попытка некоторых литературоведов при анализе литературы 1950-х годов принимать во внимание лишь негативные явления, связанные с культом личности. Исследуя многообразные компоненты любой общественной системы, следует прежде всего искать среди них «то, что прогрессивно, что более совершенно и жизнеспособно, что постоянно растет и развивается. Нередко

¹⁵ История русского советского романа. М. ; Л. 1965. Кн. 2. С. 85–86.

¹⁶ Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 182.

¹⁷ Кузьменко Ю. Советская литература вчера, сегодня, завтра. М., 1981. С. 265.

¹⁸ Андреев Ю. А. О социалистическом реализме. М., 1978. С. 98–99.

в сложном многообразии системы эти компоненты оказываются относительно слабыми и незаметными, но именно им принадлежит будущее, именно они должны быть всемерно поддержаны и развиты»¹⁹.

Историки литературы, ориентирующиеся на тезис, что литература послевоенного десятилетия напрямую продолжает некоторые нежизнеспособные традиции предвоенных лет, исходят из динамической закономерности развития системы, когда ее последующее состояние полностью вытекает из предыдущего. Однако кроме динамических существуют еще статистические закономерности, когда множество случайных сил, действующих одновременно на систему, диктует, определяет статистические закономерности ее развития. Разумеется, на дальнейшее поведение системы в некоторой степени влияет и ее первоначальное состояние.

В послевоенном развитии литературы наглядно проявилась такая черта любой общественной системы, как открытость, когда в столкновении, в борьбе старого и нового происходит выбрасывание системой отжившего, устаревшего и, наоборот, сохраняется и развивается то, что сулит будущее; когда идет ассимиляция того, что позволяет системе «выжить, укрепиться, усовершенствоваться, сделать новый шаг вперед»²⁰.

Что касается развития советской литературы в 1960–1970-е годы, то ее отличало многообразие философско-эстетического подхода к проблемам героики и гуманизма, что было результатом системного воздействия различных художественных тенденций. Прошедшие в те годы дискуссии по актуальным проблемам советской литературы показали, что областью художественных поисков оставались человеческие отношения на производстве и в быту, сложный внутренний мир личности, проблемы духовных и нравственных ценностей. Н. Асеев, А. Ахматова, Е. Исаев, Б. Пастернак, А. Прокофьев, Н. Рыленков, Я. Смеляков, Н. Старшинов, А. Твардовский, Н. Тряпкин, Вас. Федоров, В. Цыбин и другие в своем творчестве тесно сопрягали тему современности с исторической и национально-исторической памятью, «с большим кругом духовно-культурного опыта, с классическими традициями поэтического реализма»²¹.

В общесоюзный литературный процесс активно «вливались» проза и поэзия Европейского Севера. Опубликованная в 1966 году в журнале «Север» повесть В. Белова «Привычное дело» вывела северную прозу на арену всесоюзного звучания. «Для меня “Север” начался с “Привычного дела” Василия Белова, — говорил на выездном заседании совета по русской прозе Союза писателей РСФСР в Петрозаводске Виктор Астафьев. — И тут важно, что за Василием Беловым последовала целая когорта острых, ярко думающих писателей-деревенщиков. Я думаю, у нас найдется немного не только провинциальных, но и столичных журналов, которые могли бы гордиться тем,

¹⁹ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 199.

²⁰ Там же. С. 200.

²¹ История русской советской поэзии. 1941–1980. Л., 1984. С. 213.

что они совершили такой гражданский поступок, достойный и прошлой нашей литературы, и как-то влияющий на будущее ее развитие»²².

Своего рода «манифестный» характер для широкого поэтического течения, которое было названо «тихой лирикой», приобрело стихотворение «Тихая моя родина» Николая Рубцова — «может быть, самого талантливого поэта десятилетия»²³.

Через прозу В. Белова и поэзию Н. Рубцова литературный регион Европейского Севера оказывал влияние на общесоюзный литературный процесс, что свидетельствовало о степени его зрелости. Будучи подсистемой советской многонациональной литературы, литературный регион сохранял относительную самостоятельность и свободу в отношениях с системой, хотя и был органически связан с ней и вне ее не мог существовать.

Поэзию русского Севера 1960–1970-х годов пронизывала идея «возделывания душ человеческих». В своих стихах А. Яшин, С. Орлов, Н. Рубцов, С. Викулов, В. Коротаяев, А. Левушкин, А. Романов, О. Фокина, Б. Шмидт и другие вели поиски и утверждение положительных нравственных основ жизни, пристально исследовали такие понятия, как гражданский и патриотический долг.

Мотивы преемственности, патриотизма, личной памяти, отличавшие сборник стихов «Деревенька моя лесная» и прозу В. Белова, являлись отражением общелитературных процессов. Именно ощущением духовного родства объясняется тот факт, что программное свое стихотворение «Тихая моя родина» Н. Рубцов посвятил В. Белову.

Выросшие в севернорусской деревне, впитавшие с молоком матери родниковую чистоту и свежесть народного языка, поэты обогащали творческую манеру за счет местного говора, интонаций живой русской речи. Их эстетические представления, философия прекрасного были сформированы красотой северной природы в бесконечном многообразии ее проявления, а уважение и любовь к людям труда питались идеалами предков. Поэты искали новые формы и средства выразительности в красочном полифонизме образов северной природы, в лирическом постижении «лада» в отношениях человека с окружающим миром. Богатство переживаний лирического героя поэзии Русского Севера выросло из тесной взаимосвязи духовных ценностей предыдущих поколений и современного мира.

Многообразие писательских дарований не могло не привлечь внимание многих исследователей к изучению русской поэзии, созданной в Архангельской, Вологодской, Мурманской областях и в Республике Карелия. Исследование русской поэзии Европейского Севера в контексте отечественной культуры открывало широкие возможности для уяснения ее национального своеобразия, позволяло выявить ведущие линии литературного развития, установить обоснованную систему приоритетов, тесные соприкосновения художественного наследия Европейского Севера с духовной жизнью

²² Север. 1981. № 12.

²³ История русской советской поэзии. С. 208.

современников. Такие известные всей стране литературоведы, как Василий Базанов, Валерий Дементьев, Феликс Кузнецов, Александр Михайлов, Виктор Гура рассматривали осмысление духовного наследия Европейского Севера как одну из актуальных задач.

В Архангельске, Вологде, Петрозаводске, Мурманске публиковались литературоведческие исследования, привлекавшие внимание конкретно-историческим подходом к тенденциям и явлениям русской поэзии Европейского Севера.

В Архангельске читатели познакомились с книгами Шамиля Галимова «Чувство времени» (1966) и «Уроки человечности» (1984), с работами Александра Михайлова «Северная тетрадь» (1980) и «Моя Гиперборея» (1999). Вышел из печати справочник Б. Пономарева «Литературный Архангельск» (1982). Было опубликовано исследование Л. С. Скепнер «Словесное искусство Русского Севера в литературном образовании и развитии школьников» (2002). В книге Е. Галимовой «Современная поэзия Архангельского Севера» (2006) был представлен творческий путь поэтов А. Роскова, И. Яшиной, А. Логинова, Е. Кузьминой. Текст этой книги вошел в учебное пособие Е. Галимовой «Поэзия Архангельского Севера XX–XXI веков» (Архангельск, 2013). В Северном (Арктическом) федеральном университете имени М. В. Ломоносова был создан Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера и музей-лаборатория по изучению северного текста русской литературы (руководитель Е. Галимова).

В Вологде о литературных традициях, фольклорных истоках и историзме, особенностях освоения современности средством стиха писал Василий Оботуров в книгах «На земле живу» (1973), «Степень родства» (1977) и «В буднях» (1988). На основе опубликованных в журнале «Север» статей В. Бараков выпустил книги «Современная русская лирика» (М. : Вологда, 1994) и «Слову предела нет» (Вологда, 2005). Он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Почвенное направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция» (2004).

В Петрозаводске русская поэзия была проанализирована Л. Резниковым в «Очерке советской литературы Карелии» (1969) и Е. Марковой в третьем томе «Истории литературы Карелии» (2000). Краткая характеристика русских поэтов республики была дана в справочнике Ю. Дюжева «Писатели Карелии» (2006).

В Мурманске ряд статей в книгах, газетах, журналах о поэтах Кольского края опубликовал Д. Коржов. Увидела свет книга В. Сорокажердьева «Здесь ясен горизонт...» (2007), в которой автор нарисовал литературные портреты своих земляков-поэтов. Вышел из печати справочник Т. Леонтьевой «Писатели Заполярья» (2008). Была защищена кандидатская диссертация М. В. Наумлюк «Региональная литература Кольского Севера XX–XXI веков в аспекте идентичности и мультикультурности. Страницы истории и современность» (2013). В Кольском научном центре создан Центр гуманитарных проблем Баренц-региона.

Особой популярностью среди исследователей пользовалось творчество Н. Рубцова. Его поэзии были посвящены журнальные публикации В. Дементьева, В. Коротаева, С. Куняева, Л. Лавлинского, А. А. Михайлова, В. Оботурова, Ю. Селезнева а также книги В. Кожина «Николай Рубцов» (М., 1976), В. Оботурова «Искреннее слово» (М., 1987), В. Белкова «Неодинокая звезда» (М., 1989) и «Жизнь Рубцова» (Вологда, 1993), В. Коняева «Николай Рубцов» (М., 2001), В. Зайцева «Николай Рубцов» (М., 2002), Ю. Кириенко «Тайна гибели Николая Рубцова» (М., 2001, 2004), М. Сурова «Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства» (Вологда, 2006). Вышли из печати «Воспоминания о Рубцове» (Архангельск, 1983) и книга Л. Вересова «Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова» (2013).

Очевиден прогресс, достигнутый за последние полвека в плане изучения русской литературы Европейского Севера. Когда в июне 1966 года автор этой книги пришел на работу в Институт языка, литературы, истории Карельского научного центра и решил посвятить себя изучению литературного региона Европейского Севера, ему пришлось отвечать на вопрос, является ли творчество писателей-северян предметом академического анализа. После защиты в Институте мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ им. А. М. Горького) (ноябрь 1988) диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Закономерности развития русской советской литературы Европейского Севера (1917–1980-е годы)» вопросы такого рода были сняты с повестки дня. В диссертации, которой предшествовал выход из печати монографий «Слушайте революцию» (1974), «Память войны» (1977): «Живая душа народа» (1983), «Новизна традиции» (1985), впервые были сформулированы и обоснованы научные положения, которые определяли специфику и закономерности развития литературного региона.

Основные положения диссертации были защищены автором в 1988 году в Москве, в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН. Через год в том же институте прошла научно-творческая конференция «История советской литературы: новый взгляд». Итоги конференции подвел директор ИМЛИ РАН Ф. Ф. Кузнецов на страницах «Литературной газеты».²⁴ По его мнению, литературоведам необходимо «глубокое изучение, исчерпывающее знание и самое широкое и по возможности спокойное научное обсуждение реальных фактов в неразрывном и органическом единстве с развитием отечественной и мировой истории, необходим подлинный историзм».

Несогласие с односторонним подходом к духовным ценностям отечественной литературы и истории прошло сквозной мыслью через многие

²⁴ Кузнецов Ф. История советской литературы: новый взгляд // Литературная газета. 1989. 16 августа. Выступления на конференции В. Кожина, В. , Ю. Андреева цитируются по этому источнику.

выступления участников конференции. В. Кожин в своем докладе с иронией отозвался о некоторых специалистах по советской литературе, которые «начинают проклинать или дискредитировать все то, что ранее считалось принадлежащим к советским ценностям», тогда как «единственно достойная задача заключается в том, чтобы не критиковать, что было в 1930–1950-е годы, а стремиться понять, что это было». В. Бузник с горечью говорила о лихих кавалерийских атаках на советскую литературу: «Весь ее более чем 70-летний путь расценивается как цепь заблуждений и печальных уступок конформизму, а сама она определяется как некий эрзац, неполноценный заменитель истинного искусства». Об этом же говорил Ю. Андреев: «Вместо того, чтобы рассматривать, изучать явления всё глубже, все диалектичнее (имею в виду всё большее количество фактов и всё более глубокий научный контекст) мы сейчас в чрезвычайно тяжелой форме болеем мышлением плоскостным, одномерным, убогим, меняем прошлые знаки на диаметрально противоположные».

Идея последовательной преемственности развития гуманистических ценностей литературы XX века была характерной чертой опубликованных автором данного исследования в 2002–2008 годах книг, посвященных истории поэзии, прозы и драматургии Европейского Севера XX века²⁵. При работе над ними автору пришлось пройти трудный и сложный путь познания и исследования, «поверяя добываемое знание двумя уровнями мысли: самосознанием минувшей эпохи на каждом этапе исторического развития в его особых и только ему свойственных чертах и сегодняшним гуманистическим сознанием общества»²⁶.

В процессе работы возникла необходимость с высоты обретенного опыта в «новом взгляде» на трудную и противоречивую историю литературы Европейского Севера. В день своего 70-летия автор этой работы выступил на ученом совете института языка и литературы Карельского научного центра РАН с научным докладом «Литература как системная триада». Доклад был опубликован в приложении ко второму тому «Истории русской прозы Европейского Севера второй половины двадцатого века»²⁷, но ввиду небольшого тиража издания не получил широкого распространения среди научной общественности. Между тем основные положения доклада сохраняют значимость спустя десять лет после их озвучивания, ведь как тогда, так и ныне сохраняется необходимость принципиально нового подхода к изучению истории русской литературы на принципах системного подхода как методологической

²⁵ История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск, 2002; История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск, 2002. История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века. В 2 т. Петрозаводск, 2008.

²⁶ Кузнецов Ф. История советской литературы: новый взгляд.

²⁷ Дюжев Ю. И. Литература как системная триада // Дюжев Ю. И. История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века. Т. 2. Петрозаводск, 2008. С. 378–389.

концепции. Здесь существенны два момента: 1) фиксация междисциплинарной и общенаучной природы системного подхода и 2) вынесение его за рамки собственно философского подхода²⁸.

Как писал академик В. Н. Садовский, «системный подход не может быть отнесен как таковой к уровню философской методологии; сам по себе он не связан непосредственно ни с разработкой мировоззренческой проблематики, ни с выполнением функций философской критики форм и принципов научного познания... В системном подходе центр тяжести лежит в выделении особых целостных свойств, позволяющих считать некоторую структуру не конгломератом разрозненных, хотя и аморфных частей, а именно системой»²⁹. Такой подход характерен для работы С. А. Пегова и Ю. А. Ростопшина «Моделирование биологических систем в исследованиях процессов экоразвития» (М., 1982). Ее авторы, развивая положения опубликованной в сборнике «Системные исследования» (М., 1973) статьи Г. Рапопорта «Кибернетика и теория систем», формулируют следующие требования, которым должен удовлетворять объект исследования, чтобы он мог рассматриваться в качестве системы:

— во-первых, система — это некоторый объект изучения, обладающий целостностью (или рассматриваемый как целое). Объект может быть материальным (реальным), может быть мыслимым (абстрактным), а может быть совокупностью материальных и абстрактных образований;

— во-вторых, для того, чтобы рассматриваемый объект мог быть определен как система, необходимо, чтобы он являлся частью, подсистемой некоторой большой системы, входил в другую систему;

— в-третьих, необходимым для существования систем является выполнение условия, чтобы объект, рассматриваемый как система, разбивался бы на части, мог быть представлен в виде подсистемы.

Для плодотворного применения системного подхода необходимо четко сформулировать цели исследования и определить объект исследования, представив его в виде системы — системы в том смысле, который вкладывается в это понятие теорией систем.

Системный подход уже в советское время стал применяться в теории литературы. В статье «Размышления о системном анализе литературы» («Вопросы литературы», 1975, №3) академик М. Б. Храпченко подчеркнул, что «системные связи предполагают определенную общность литературно-художественных явлений и их функций». Этой проблеме посвящено исследование И. Г. Неупокоевой «История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа» (М., 1976).

Опыт системного анализа мирового литературного процесса был накоплен в трудах большой группы советских литературоведов (А. С. Бушмин,

²⁸ См.: Блауберг И., Юдин Э. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

²⁹ Садовский В. Н. Принцип системности, системный подход и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник — 1978. М., 1978. С. 7–25.

В.Л. Сучков, И.Г. Неупокоева, Ю.В. Боров, И.Г. Ломидзе, Д.Ф. Марков, М.Ю. Поляков, М.Б. Храпченко и др.).

В зарубежном литературоведении известны вышедшая на английском языке в 1971 году в Принстоне монография Клаудио Гильена «Литература как система. К теории литературной истории» и опубликованная на шведском языке в 1990 году книга Юргена Банслера «Системное развитие: Теория и история в скандинавской перспективе».

Итак, подводя итоги выводам теоретиков системного развития³⁰, скажем, что любая из объективно существующих систем представляет собой множество систем. Она является элементом системы более высокого уровня и сама заключает в себе системы низшего, более элементарного порядка. Руководствуясь теми или иными соображениями (научными, практическими), подходя к системе под различным углом зрения, исследователь способен выделить из системы тот или иной ее срез, тот или иной ее аспект.

Система социального порядка многослойна, состоит из систем более элементарного уровня — ее членов.

Системы в обществе существуют независимо от нашего умения их абстрагировать. Задача абстрагирования в этой связи состоит прежде всего в том, чтобы полнее, глубже, разностороннее отразить в сознании объективно существующие системы.

Система рождается, используя имеющиеся в жизни и обществе элементы, при условии их умирания и замещения другими.

Время является непрерывной характеристикой каждой системы, которая имеет свою историю, находится в процессе непрерывного развития, совершенствования.

Не имея возможности в данном труде приводить текст нашего доклада «Литература как системная триада», скажем лишь, что анализ объективного содержания историко-литературного процесса в конкретный момент подразумевает знание общих законов развития литературы как системной триады³¹, каждое состояние которой рассматривается с учетом совокупности субстанционального (интуицию), аналитического (рацио) и качественного (эмоцию) элементов. Такой подход способствует выявлению насущных проблем и аспектов развития русской поэзии Европейского Севера, анализу явлений, тенденций и закономерностей художественного прогресса, осмыслению в литературно-эстетическом и проблемно-теоретическом направлениях непрерывности реалистической традиции, обновления содержания, многообразие художественных форм.

³⁰ См.: Бертуланфи Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования. М., 1973; Афанасьев В.Г. Системность и общество. М., 1980 и др.

³¹ См.: Баранцев Р.Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза // Системные исследования. М., 1988. С. 193–209.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЖАНРОВОЕ И СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА 1950-х ГОДОВ

1. Поэзия фронтового поколения

1.1. *Вспоминая войну*

После окончания Великой Отечественной войны традиционный спор между западниками и славянофилами получил в России новые импульсы. Окно в Европу, когда-то «прорубленное» Петром Первым, теперь перекрылось «железным занавесом». Русских людей раздражали самоуверенность европейцев, приписывавших себе победу над фашизмом, предубежденное отношение к Советскому Союзу как носителю зла, огульное осуждение советской культуры. В таком идейно-историческом контексте среди русской творческой интеллигенции стали отчетливо проявляться антизападные настроения. Предпринятая Сталиным в 1930-е годы «национализация» большевистской власти, которая была продолжена в годы Отечественной войны, находила положительный отклик в среде русского населения, — в нем еще сильны были традиции массовой жертвенности, этики государева служения, соборного единства. «Отбросив форму, советская власть вместе с тем довольно быстро унаследовала у исторической Россия как нравственные идеалы, так и ее державный опыт в постройке мощного государства, — отмечал Г. Зюганов. — Великая Отечественная война стала на этом пути переломным моментом, после чего наиболее проникательным аналитикам стало ясно, что процесс — пусть медленный и болезненный, но неуклонный — возвращения России на путь своего исторически преемственного развития набирает силы»¹.

В послевоенное десятилетие религиозная аскетическая традиция оберегала массовое сознание от склонности поклоняться самым примитивным мифам, будто «у России нет врагов», что страну ожидает изобилие без всяких усилий. Эта трезвость взгляда на земное человеческое бытие помогла в сжатые сроки восстановить народное хозяйство.

Вернувшиеся домой фронтовики еще жили недавними воспоминаниями и в первую очередь стремились рассказать о необычайности испытаний, выпавших на их долю. В их стихотворениях и поэмах наметились многие проблемы эстетического и философского плана. Диалектика свободы

¹ Зюганов Г. Взгляд за горизонт // Обозреватель. 1994. № 18. С. 144.

Научное издание

Юрий Иванович Дюжев

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (1950–1970)**

Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 50,7. Заказ № 2054. Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

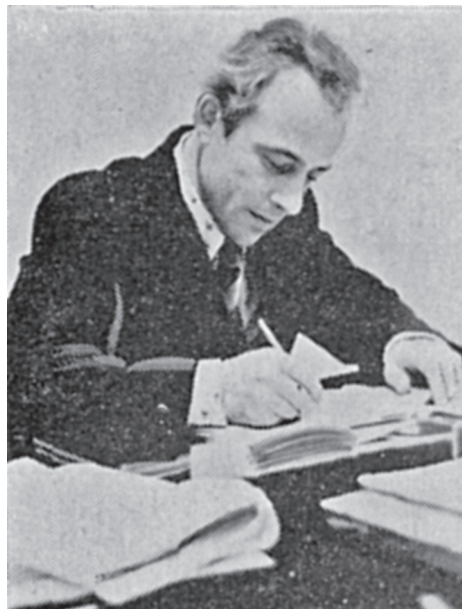
А. Авдышев

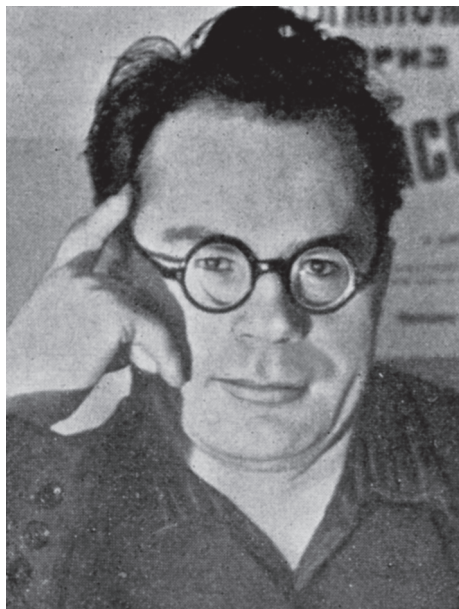
В. Белов

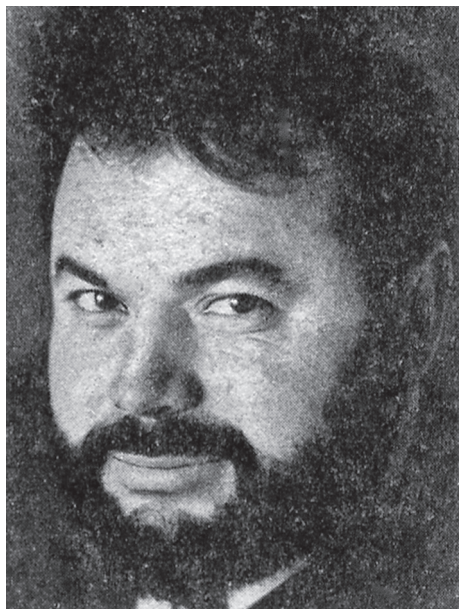
С. Вукулов

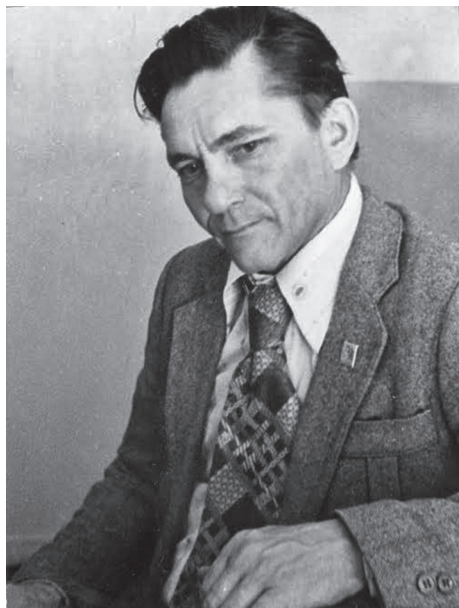
Н. Журавлев

Г. Кикинов

В. Коротаев

И. Костин

В. Кочетов

А. Левушкин

Н. Леонтьев

Ю. Линник

В. Матвеев

Юрий Иванович Дюжев

(род. 15 мая 1937) — советский и российский ученый-литературовед, писатель, Заслуженный деятель науки Карельской АССР (1990), Заслуженный работник культуры Российской Федерации (1998), доктор филологических наук. Награжден Орденом Дружбы (2013). Член Союза писателей России.

Автор 250 публикаций, в том числе 20 справочников, сборников статей, монографий. В них вынесены на обсуждение узловые проблемы развития литературы Европейского Севера, даны очерки творчества ведущих писателей региона. Среди них:

Новизна традиции.

М.: Современник, 1985

История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века.

Петрозаводск: ПетрГУ, 2002

История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века.

Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002

История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века: в 2 т.

Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008

Народный писатель Карелии Ортьё Степанов.

Петрозаводск: Северное сияние, 2010

Народный писатель Карелии Яакко Ругоев: очерк жизни и творчества.

Петрозаводск: Северное сияние, 2012

Народный писатель Карелии Антти Тимонен: очерк жизни и творчества.

Петрозаводск: Северное сияние, 2014

